

РЕЦЕНЗИИ

М. Н. Кожина. К основаниям функциональной стилистики. — Пермь, 1968. 251 стр.

Рецензируемая книга ¹ довольно неожиданно — на фоне привычно укоренившегося мнения о безнадежной отсталости стилистики, о «мешанине», которая, по словам Б. В. Горнунга, в ней царит, — показывает отрядные и несомненные успехи в этой области. Разнообразные наблюдения последних полутора десятилетий обостренного интереса к стилю подпадают под пером исследовательницы упорядочению в некоторую систему ², прокладывающую пути к конструктивным практическим решениям.

Плодотворной основой концепции выступает идея функционального подхода к языку, восходящая к И. А. Бодуэну де Куртене и развитая у нас Л. В. Щербой, Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым и другими авторитетами. Однако последовательно эта идея к стилистике не прилагалась, чуждаясь соанализа экстралингвистических факторов ³. Работу

М. Н. Кожиной отличает внимание к телеологии высказывания и зависимости его структуры от сферы общения; связь функционирующих средств выражения рисуется не как «формальная (какой является связь элементов в системе языка), а как «семантически-целенаправленная...», представляющая единство внутрилингвистического и экстралингвистического» (стр. 111).

М. Н. Кожина показывает, что языковые единицы подчиняются двум рядам закономерностей: собственно системным и функциональным, зависимым от экстралингвистики, причем реализация системы невозможна без «структурно-речевого» на экстралингвистической базе» (стр. 40). Каждая единица выступает одновременно элементом системы языка и речевой структуры ⁴, но речевая специфика, создаваемая в ходе функционирования под давлением внеязыковых факторов, проявляется не во всех единицах, и вообще между речевым и языковым нет полного тождества: тут появляется «прибавка» — специфически функциональное (стр. 45, 109 и др.).

«Языковые единицы в речи (в каждом конкретном высказывании и в типах высказываний) объединяются по новым, функционально-речевым закономерностям в тесно спаянное единство, обусловленное экстралингвистической основой» (стр. 68).¹

Функциональная прибавка может откладываться в самой системе ⁵, но может существовать и в речи — в форме привычной композиции, принципов отбора и со-

¹ Это первая, теоретическая часть монографии «Проблемы специфики и структуры функциональных стилей речи»; часть II «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» издана раньше (Пермь, 1966; см. рец. А. Н. Васильева в журн. «Русский язык за рубежом», 1968, 3), часть III «О речевой структуре научного стиля сравнительно с некоторыми другими» находится в печати. Ср. также публикации М. Н. Кожиной в 1960—1969 гг., особенно книги: «Стилистика и некоторые ее категории», Пермь, 1961; «О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей», Пермь, 1962.

² Почва для концептуального обобщения подготовлена отечественной и чехословацкой наукой, а его контуры явлены в известных работах В. В. Виноградова и ряде исследований последних лет, например, у Р. А. Будагова, И. Р. Гальперина и др.

³ Ср.: «Понятие языкового стиля — это последовательно функциональное понятие... К сожалению, функциональное понимание стиля часто декларируется, но редко дает о себе знать в конкретных размышлениях, где до сих пор преобладают

антифункциональные толкования...» (Р. А. Будагов, Литературные языки и языковые стили, М., 1967, стр. 372).

⁴ Мысль, что одни и те же единицы суть элементы и системы языка и речи, высказывалась неоднократно; см. хотя бы: П. С. Кузнецов, О языке и речи, «Вестник МГУ», Серия филолог., 1961, 4.

⁵ В специальном примечании М. Н. Кожина указывает, что «речевая прибавка» к системе языка не ограничивается узкоречевыми и индивидуальными особенностями, а осмысливается как социальное явление (стр. 110).

четания единиц в зависимости от экстралингвистических факторов, особой «связи» с ними (стр. 48)⁶. Во всяком случае, «функциональные стили, конечно, могут и должны исследоваться в плане не только собственно „динамическом“, функциональном, но и описательном, ибо каждому из них соответствуют свои, наиболее целесообразные по целям общения, языковые средства» (стр. 68). Можно — с учетом разной экстралингвистической обусловленности функционирования единиц разных уровней языка (с одной стороны, фонологического и морфологического, с другой — лексического и синтаксического) (стр. 42—47, 134—136) — «говорить о различиях в языковых средствах разных функциональных стилей»⁷.

Функциональные стили характеризуются как главнейшие, наиболее сложившиеся и ясно очерченные, социально обусловленные речевые разновидности, обладающие очевидной «двойной структурой»... — с одной стороны, системно-языковой, с другой, собственно функциональной» (стр. 109—110).

На этой основе развиваются конструктивные мысли о стилеобразующих и нестилеобразующих внеязыковых факторах, о их иерархии и «базовых» комплексах (стр. 143 и сл., 198 и сл.), а также о понятиях «цели и задачи общения», «функции» (стр. 206 и сл.). Не всякое внеязыковое явление и не все они вместе моделируются в способах применения языка в форме разных речевых структур: с сущностными свойствами стили связаны прежде всего «форма общественного сознания и соответствующая сфера деятельности и общественных отношений» (стр. 155), рассматриваемые «под углом зрения специфики общения в соответствующих социальных сферах» (стр. 165). Влияние же «сопутствующих факторов» вторично и проявляется во внутренних подразделениях стиля вплоть до отдельных высказываний, отчего и нет оснований выделять, скажем, «философский

стиль», хотя необходимо признать стилем научную речь в целом (стр. 156—157).

Стиль оформляется на экстралингвистической основе из комплекса вида деятельности, соответствующей ему формы общественного сознания и социальных отношений (стр. 168). Соответственно различаются стили: «политико-идеологический (или публицистический в широком смысле), законодательный (или официально-деловой), научный, художественный, религиозный (не для современного русского языка)» (стр. 174—175). Особо анализируется разговорно-бытовой стиль, имеющий специфичные экстралингвистические основы; обращается внимание на взаимоотношения между функциональными стилями и формами речи⁸ и справедливо указывается на своеобразие массовой коммуникации.

Одобрения заслуживает стремление М. Н. Кожиной поставить в центр стилистики в качестве ее основной, объективной и социально значимой категории именно функциональные стили, а остальные стилевые расслоения, «не затрагивающие сущностных основ» (стр. 199), стилями не считать и обозначить иначе⁹. Таковы, например, подстили идеолого-политического стиля — собственно публицистический, официальный политико-идеологический, собственно агитационный, массово-политический (стр. 180—181); таковы вообще бесконечно многообразные жанровые и ситуативные виды речи. Стилистико-речевая сеть рисуется следующим образом: основу и глубинный слой ее составляют функциональные стили, распадающиеся на подстили; остальные разновидности «составляют „поверхностные“ стилистико-речевые „срезы“ (или „слои“), проявляющиеся на функционально-стилистической основе» (стр. 190).

Сочетание экстралингвистических факторов с лингвистическими (собственно речевыми и системно-языковыми) определяет целостность, системность, специфическую окраску, «структурность» функционального стиля. В основе организации средств выражения в цельную взаимосвязанную систему, обусловленную функци-

⁶ Ср. понятие «речевой вероятности» в ст.: Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер, О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, ВЯ, 1963, 3, стр. 18.

⁷ Совокупности функционально-маркированных единиц не составляют в современном русском языке замкнутых или изолированных систем средств выражения, соответствующих какой-либо сфере общения, ситуации, жанру, функции (см.: Ю. С. Сорокин, Об основных понятиях стилистики, «Тезисы докладов...», М., 1953, стр. 13—15), отчего сомнительно самое понятие «стиль языка» и возникает желание вынести понятие «функциональный стиль» полностью в сферу речи, — что революционно, но вряд ли верно по существу стилевых явлений.

⁸ Вопрос о соотношении стилей и типов речи с устной и письменной (а отчасти и «массово-коммуникативной») формой существования в настоящее время вообще достаточно ясен; см. убедительную концепцию в ст.: И. Р. Гальперин, К проблеме дифференциации стилей речи, сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965.

⁹ Заметим, кстати, что извлеченная из русского языкознания 20-х годов и становящаяся сейчас популярной во всем мире идея речевых типологий — при всей своей конструктивности — чревата атомистическим подходом: отрицая стили, она игнорирует объективные системно-общие закономерности речи.

онально, лежит «свой единый стилеобразующий стержень» (стр. 111), «организующий стержень...», определяющий отбор и способы сочетания средств» (стр. 141).

Развивая эту продуктивную мысль, было бы целесообразнее для каждого функционального стиля говорить о конструктивном принципе, который, являясь обязательно и последовательно реализуемым, отличается абстрактной обобщенностью и не задает самих реализаций, диктует установку, а не приемы и материю ее воплощений¹⁰. Материализуясь в процессе порождения конкретных высказываний, он обеспечивает связь каждой данной цели с традиционными способами выражения сходных целей в сходных ситуациях. Он выступает мостиком, перекинутым между функциональной (собственно целевой) и функционально-стилевой дифференциацией¹¹, переходом к языковому материалу от типовых ситуаций и функций общения, механизмом связи форм высказывания и внеязыковой действительности, призмой преломления экстралингвистики в лингвистику.

Рассматривая специфику стилей, М. Н. Кожина подходит к идее континуальности моделирования стиливых явлений, выражая сомнение в плодотворности распространенных попыток выявить эту специфику перечислением форм, конструкций, статистических показателей и т. п. Хотя в каждый период существует набор типовых реализаций принципа функционально-стилевой конструкции, в динамике эти реализации рисуются в виде открытых рядов. Традиционный для языкознания подход к фактам как дискретным единицам оказывается поэтому явно неадекватным в области стилистики¹², специфика которой лучше описывается методом вектора, показывающего направление континуума.

¹⁰ Ср. «стилеобразующие» и «полярные» черты стиля у Э. Г. Ризель и др. Абстрактная обобщенность функционально-стилевого конструктивного принципа определяет неисчерпаемую свободу творчества, «нейсчислимость» возможных его материализаций при сохранении специфики стиля.

¹¹ О связи стилей с языковыми функциями и о «двойном смысле» слова «функциональный» см.: В. В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи*. Поэтика, М., 1963, стр. 6—7.

¹² Ведь стиль создается принципом, определяющим не непосредственную языковую характеристику, но обобщенную потребность в «подходящих» приемах и средствах. Впрочем и язык необязательно описывать статическими сегментами, поскольку и в нем статика относительна, ибо он не только обусловлен функцией структуры, но и отражает — хотя бы генетически — процессы речевой деятельности.

Конструктивный принцип как специфически функционально-стилевая категория и является общим вектором, лежащим в основе дифференциации стилей¹³ и удовлетворительно объясняющим известные факты, например, то, что одни и те же единицы различно функционируют в разных стилях (т. е. «деформируются» в принципе каждого данного стиля), что индивидуальные особенности речи могут значительно менять ее характер, «однако в пределах общих функционально-стилистических черт, не нарушая специфику стиля в целом» (стр. 194) и т. п.

Функционально-стилевые принципы конструкции, как и стимулирующие их экстралингвистические факторы, найдутся в сложной иерархии и, отражая разнообразные нужды и ситуации общения, отнюдь не лежат в одной плоскости. Поэтому классификация функциональных стилей, не говоря уже об их подразделениях, имеет многомерное строение и не может быть построена по одному какому-либо основанию деления (на практике это всегда и оказывалось безуспешным). «Каждый стиль нужно оценивать в аспекте его собственной специфики и функциональной задачи» (стр. 205). Соответственно разрабатываются методы анализа, в частности указывается на малоэффективность эмпирического исследования стилей без предварительного осмысления общих и социально-значимых черт.

Воплощение конструктивного принципа (характер «речевой структуры», по М. Н. Кожиной) может опираться на подсистемы литературного языка, на фиксированные в нем стилистические дифференциации, на закономерности собственно речи, даже на внеязыковые явления, например, письмо. Как специфически функционально-стилевой этот принцип, во всяком случае, базируется на единстве языка и речи, их взаимообусловленности, охватывая собственно языковые явления, собственно речевые и «рече-языковые». Все они предстают в одном ряду, разнясь друг от друга мерой опредмеченности, абстрагированности, в частности, и от породивших их внеязыковых потребностей¹⁴. Типовые реализации принципа конструкции могут закрепляться в систе-

¹³ Ср. «Выражение воли, а также точность речи, не допускающую интолкований» как принцип законодательного стиля (А. А. Ушаков, *Очерки советской законодательной стилистики*. Пермь, 1967, стр. 160).

¹⁴ Напомним здесь формулу В. В. Виноградова: «язык в его двудеиной, диалектической природе — языка и речи» («Стилистика...», стр. 75), восходящую к гумбольдтскому пониманию языка как «энергии» и с восторгом одобренную Н. И. Конрадом (сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 401).

ме (различно на разных этапах истории и в разных языках), но могут и оставаться в пределах речи. Функциональные разновидности, особенно такие крупные и устойчивые, как стили, несомненно, имеют свою языковую распределенность — хотя бы в виде условных и неполных рядов окрасок, параллельных, соотносительных, синонимических средств выражения.

В сущности, именно так рассуждает М. Н. Кожина, видящая в каждом стиле связь элементов «по горизонтали» и «по вертикали» — в соответствии с зависимостью речевой организации от внеязыковых факторов. Стиль рисуется и как процесс функционирования, и как его результат, т. е. структура речи — «своеобразный фотографический снимок особенностей функционирования языка» (стр. 35). Однако отраженность таких фотографий в системе игнорируется, так же, впрочем, как и зависимость их техники от уже имеющихся в ней соотношений. Причина этого в известной предвзятости при решении вопроса о соотношении языка и речи, в вынесении функционирования в речь, в которой якобы только и осуществляется связь языка с экстралингвистической действительностью.

Стилистика обозначается как функциональная наука, рассматривающая средства выражения, их выбор и объединение, исключительно с позиций содержания и лучшего достижения цели общения. «Само стилистическое по происхождению и по природе — явление речевое, лишь как бы „откладывающееся“ в системе языка (или имеющееся там „в потенции“)... специфика стилей ярче всего и в полную меру проявляется именно в процессе функционирования языка» (стр. 129—130). Так ставится знак равенства между функционированием и речью, синонимизуются термины «функциональный» (а заодно и «стилистический!») и «речевой»: «Было бы целесообразным определение „функциональная“ закрепить лишь за стилистикой речи, определяя ее как самостоятельную ветвь общей стилистики, или стилистики в целом, и подчеркивая специально функциональную ее направленность по сравнению со стилистикой языка. Стилистика языка представляется более статичной по сравнению с динамической стилистикой речи, или собственно функциональной стилистикой» (стр. 66—67).

С одной стороны, всячески подчеркивается диалектическое единство языка и речи, «в котором ни одна из сторон не может существовать и быть понята без другой» (стр. 29)¹⁵; с другой, функциональ-

но-стилевые явления полностью выносятся в речь, прямолинейно противопоставляемую языку: функционирование определяется как «речь сама по себе, речь как таковая», а функциональная стилистика — как «стилистика речи как таковой» (стр. 8, 65, 67, 89 и др.). Слова «функциональный» и «речевой» то стоят в одном ряду, то как-то противопоставлены (заметим, что сложение «функционально-речевой» при неразличении речи и функционирования тавтологично).

В формулировке: «функциональная стилистика — следствие и осуществление собственно речевого подхода к языку (в общем смысле слова: единству языка — речи)» — слово «речевого» излишне, если отрицать наличие или релевантность функционально-языкового начала. При опоре же на понятие «языка вообще», одинаково охватывающего и «системно-языковые», и «функционально-речевые» явления, оно лишь создает терминологическое усложнение, при помощи которого достигается видимость корректного различения языка и речи; ср. возвращение к реальному положению дел в признании стилистического качества «речевым, т. е. функциональным, в конечном же счете также языковым (в широком смысле)» (стр. 141).

Ближайшим следствием концептуальной непосредственности является абстрактный тон многих рассуждений, не подкрепляемых учетом собственно форм выражения, а также ряд необедительных частных положений (например, критика существующих классификаций стилей, несостоятельных якобы из-за неразличения языка и речи — стр. 54—56, 124, 129 и др.). Речевая «прибавка», абсолютизируясь, рисуется как единственная основа явления стиля и единственный предмет анализа; по мнению М. Н. Кожиной, определять функциональные стили «лишь с точки зрения присутствия в них стилистически маркированных единиц, т. е. с точки зрения узкоязыковой, означает подходить к явлению с не соответствующей ему меркой: это все равно, что измерять время метрами или расстояние килограммами..., что о мыслительных способностях человека судить по объему и весу его мозга» (стр. 56).

Определять стиль с узкоязыковых позиций, конечно, столь же нелепо как и не считаться с его системно-языковой обус-

нования и б) речевую структуру (стр. 36—37, 43). «Язык (в широком смысле) распадается на уровни в аспекте своей системы и на функциональные стили речи в аспекте функционирования; первые взаимосвязаны между собой, вторые — нет, так как их внутренними организующими факторами являются не только факторы собственно лингвистические, но и экстралингвистические» (стр. 142).

¹⁵ М. Н. Кожина теоретически различает: 1) «язык вообще» как единство языка — речи; 2) язык как языковую систему; 3) речь как функционирование языка, включающее а) процесс функцио-

довленностью; кстати, мыслительный талант, несомненно, зависит если не от веса, то от строения серого вещества. Выводя функциональные категории в речь, мы лишаем их базы и преувеличиваем роль «речевой специфики», вообще-то существующей именно как «прибавка» к системе в действии. Функциональный стиль обладает и речевой, и языковой сторонами¹⁶, отчего как раз и желательно его описание как процесса, как принципа конструкции¹⁷.

И хотя применительно к современному литературному языку «невозможно говорить о различных стилях языка как частных системах или структурах» (стр. 67)¹⁸,

¹⁶ Не только стиль, но и более мелкие функционально-стилевые единства, несущность которых и может объясняться слабостью их «языковой стороны». В. В. Виноградов считает, что «нет нужды в данном случае углубляться в проблему разграничения понятий языка и речи» («Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры», ВЯ, 1961, 4, стр. 10), что «функциональные стили служат базой для дифференциации» многочисленных и многообразных стилей «речи» («Стилистика...», стр. 7—8). По мнению В. В. Акуленко («Функциональная стилистика и прикладная лингвистика», сб. «Питання прикладної лінгвістики», Чернівці, 1960, стр. 16), с которым полемизирует М. Н. Кожина (стр. 130), функциональные стили неверно называть ни языковыми, ни речевыми, поскольку у них как бы две стороны и поскольку они базируются прежде всего на функциональных потенциях системы, на своих языковых прообразах. В зависимости от понимания процесса порождения речи можно думать, что в языке кристаллизуются не только функциональные окраски элементов, но и (хотя бы в общих чертах) принципы функционального отбора и композиции, принципы конструкции.

¹⁷ Исследователи, отстаивающие в корне отличные концепции стиля, подчеркивают все же органичную связь языковых и речевых начал; см.: Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, и др. Напомним остроумную идею М. В. Панова о трех стилях языка, то или иное сочетание элементов которых обуславливает разнообразие речевых жанров («Русский язык и советское общество», Алма-Ата, 1962). Объективность именно функциональных стилей в таких концепциях фактически игнорируется. «Стили языка» и «стили речи» могут не связываться с идеей дихотомии и обозначать функциональные единства разной исторической устойчивости и общественной влияния (см.: Р. А. Будогов, Литературные языки..., стр. 70).

¹⁸ В противоречие с этим заявлением М. Н. Кожина во многих случаях говорит о «стилях языка», правда, как о

хотя «стилистическое не образует системности в языке (как системе)» на какой-либо экстралингвистической основе и существует в нем «в виде лишь совокупности (а не структуры) средств (в том числе разноразноуровневых), т. е. «слоя», или неточно — стили языка и окраски» (стр. 131—132), нельзя не видеть обусловленности функционирования системой и их эвентуальной закреплённости в ней. Из того, что функционально-стилевые явления отражены в языке опосредствованно и в иных формах, что нет зеркального соответствия (в принципе оно возможно и в истории языков наблюдалось) между «стилями языка» и «стилями речи», не следует, что эти явления никак языком не диктуются, а речевая структура висит в вакууме.

Подчеркивая разноплановое единство этих категорий¹⁹, может быть, лучше различать для удобства анализа не языковую и речевую стороны стиля, а стилистическую (с предметом: возможности, окраски, «слои» в языке) и стилевую (с предметом: функциональные единства композиции в речи) стороны стилистики. Соответственная двусмысленность слова «стиль» отразит суть: он создается органическим сочением стилистического и стилевого. Иные функциональные единства характеризуются стилевой основой и слабой стилистической опорой, что и объясняет их подвижность, проницаемость, неустойчивость. Дополнение «языка» или «речи» к терминам функциональной стилистики становится в этом случае иррелевантным²⁰.

В стилевой системе, общий вектор которой задан абстрактным принципом конст-

«незамкнутых системах», например, при рассмотрении «языка художественных произведений» (стр. 55, ср. стр. 7, 67, 131 и др.).

¹⁹ Ср.: «Языковедческое содержание понятия „функциональный“ стиль составляет из традиционного объединения только тех языковых средств, которые определяют лицо стиля, т. е. средств одинаковой (или сходной) стилистической окраски, с едиными функционально-речевыми нормами отбора и употребления, закреплёнными за определёнными социальными сферами общения» (Т. Г. Винокур, Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи, сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка», М., 1968, стр. 6).

²⁰ Тут напрашивается параллель с современными физиологическими концепциями непосредственной и долговременной памяти. Вообще же функциональной стилистикой целесообразно называть то, что М. Н. Кожина именует «общей стилистикой» (или стилистикой в целом), а не сводить ее к «стилистике речи», фактически игнорируя «стилистику языка» (стр. 69).

рукции, определяющим направление отбора и композиции средств выражения в соответствии с содержанием и задачами общения в данной сфере, каждая языковая единица может находиться в разных отношениях к своему «эквиваленту» в системе, но последний и определяет, и закрепляет данное ее использование. Возвращаясь к мысли М. Н. Кожинной о двойной структуре стиля, можно согласиться с тем, что «это структурность (и системность) особого рода, структурность по природе функциональная» (стр. 120; ср. стр. 109—110), но надо усомниться в том, что «формально-языковая (или системно-языковая) структурность тут роли не играет, «не является стилиобразующей» и «лишь поставляет строительный материал» (стр. 120).

Принципиальное значение имеет замечание, брошенное при анализе лексико-грамматического наполнения схем предложения в разных стилях, о стилистико-функциональных значениях: «Проецируя их на язык как систему, характеризуя возможности его единиц в этом отношении, можно было бы описать средства языка по всем уровням в этих функциональных значениях, представляя именно функционально-стилистические потенциальные возможности языка, языка в его функционально-стилистическом „разрезе“» (стр. 119). В сущности здесь речь идет о стилистических и стилевых качествах «языка вообще», сочетание которых и создает явления функциональной стилистики. Все это, конечно, заметно противоречит утверждениям, будто бы единицы языка не обладают функциональной окраской в системе, а стилистическое качество «живет» исключительно в речи и объясняется «речевой прибавкой».

Противоречия в толковании дихотомии снижают, на наш взгляд, ценность и стройность в целом убедительной концепции. Предвзятое выдвижение роли речи при забвении тезиса о единстве языка и речи, о том, что основу функционирования составляет все же языковая система, обусловило не только разъединение в жизни неразрывно связанных категорий процессуальной и структурной стилистики, но и обособление целой области лингвистических дисциплин, изучающих функционирование, в особый раздел — «речеведение». Задачей речеведения провозглашается «выявление специфически речевого..., изучение речевой (не языковой) структуры» (стр. 7); это «самостоятельное направление языкознания, предмет внимания которого — собственно речь, речь как таковая, функционирование как таковое» (стр. 52).

Таким образом, концепция М. Н. Кожинной развертывается на понимании языка как виртуальной основы коммуникации (вплоть до идеи чистого кода), а речи — как реального осуществления, актуализации языка. В этой оппозиции, как

неоднократно было уже показано²¹, надо иметь в виду и иные параметры. В речи наблюдается нечто большее, чем просто актуализация языка, поэтому недостаточен системно-языковой подход, против чего убедительно протестует М. Н. Кожина²². Столь же неверно было бы ограничить себя только речевым подходом, который в пылу спора она склонна явно абсолютизировать. Утверждая тотальную функциональность, М. Н. Кожина упрекает структурализм в крайности, сама не удерживаясь при этом от противоположной крайности.

Странно звучат суждения: «Все направления языкознания прошлого и настоящего грубо можно разделить на изучающие преимущественно язык (видящие свой предмет в языке-системе) и изучающие речь («живое» функционирование языка). Между ними располагаются различного рода эклектические направления» (стр. 24). «Если структурная лингвистика изучает систему языка, то речеведение исследует речь (как функционирование языка)» (стр. 53). Вряд ли верно признавать структурализм и речеведение двумя единственно научными полярными направлениями, объявляя эклектическими разнообразные школы, в сущности, более отвечающие природе сложного предмета исследования. Будучи явлением целевого характера, определяемым своей функцией, «язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию»²³. Соответственно нельзя исключать ни систему

²¹ После И. А. Бодуэна де Куртене большинство ученых различает константы языка, константы коммуникации (не во всем заданные или совсем не заданные языковой системой) и константы речевой способности (заданные скорее психофизиологически); ср.: Л. В. Щерба, О трех аспектах языковых явлений и об эксперименте в языкознании, ИАН, 1931, 4; Л. П. Якубинский, О диалогической речи, «Русская речь», I, Пг., 1923; и др. По разному количеству и качеству константности определяют аспекты рассмотренный Пайк, Косериу и др.; см.: А. А. Леонтьев, Слово в речевой деятельности, М., 1965.

²² Идея не нова и выражалась еще в работах Пражского лингвистического кружка; ее четко формулирует В. В. Виноградов [ср. хотя бы: «понимание языка как специфической структуры, как системы взаимосвязанных элементов... не может охватить всего многообразия явлений и проявлений общественного функционирования речи» («Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры», стр. 10—11)].

²³ Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, в кн.: «Новое в лингвистике», 3, М., 1958, стр. 156.

из анализа функционирования, ни функционирование из анализа системы²⁴.

В речевой деятельности нет ничего не лингвистического и в то же время в ней все нелингвистическое. Поэтому-то психолингвистика отлична от психологии речи: первая изучает отношения экстралингвистических и лингвистических структур, вторая берет экстралингвистику (социальные, психологические факторы) безотносительно к языку, как «голые процессы». Речевое действие — плод многофакторной обусловленности, в зависимости от той или иной группировки этих факторов мы получаем разные направления языковедения. Совместное их рассмотрение дает теорию речевой деятельности, рассмотрение, скажем, одних лишь «внутренних координат»²⁵ — психолингвистику, одних лишь «внешних координат» (социальных структур, групп говорящих и т. д.) — теорию речевой коммуникации, социолингвистику. Рассмотрение только внутренних-не-системных, нормативных факторов дает чистую лингвистику, вплоть до структурализма (в статье «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке»²⁶ В. И. Абаев, в сущности, протестует против, по его мнению, недопустимого уменьшения числа учитываемых в исследовании факторов).

Отграничивая эвристически или по априорному критерию любое число факторов, мы можем получить и объем речеведения, однако при этом избранный набор их должен быть неизменным в данном исследовании. М. Н. Кожина зачисляет в речеведение, кроме функциональной стилистики, психолингвистику и социолингвистику, культуру речи и «ортологию», методику обучения языкам и практическую

стилистику, машинный перевод и даже японское «языковое существование». Легко заметить, что эти отрасли зачисляются в один ряд не потому, что характеризуются одним набором факторов рассмотрения, но лишь потому, что во всех случаях мы имеем дело не с чистыми системно-языковыми отношениями, а какими-то иными. Относя их все к речи, речеведению, М. Н. Кожина не апализирует, с какими именно, хотя и чувствует, что не одинаковыми. В речеведческом цикле смешиваются теоретические дисциплины, изучающие специфику функционирования, прикладные отрасли, вообще разнообразные исследования, ставящие прагматическую цель.

Иными словами, в речь попадает все, что необъяснимо только системными отношениями, а неоднородность этого всего не анализируется. Наблюдается своего рода феноменализм — берется то, что получается, а не то, почему получается; самое вычленение речеведения повисает в воздухе из-за уравнивания речи и функционирования, а также прямолинейного противопоставления этого нерасчлененного глобального круга явлений языку как системе.

Сделанные замечания не следует толковать как указания на недостатки монографии М. Н. Кожиной: отражая мнения и наблюдения рецензента, они скорее свидетельствуют об интересе, вызываемом изложенной в ней концепцией, пробуждающей мысль и желание спорить и размышлять. К несомненным недостаткам рецензируемой книги относятся внешние явления: лекторско-менторское повторение одной и той же мысли в многословных, слегка измененных (а иногда и противоречивых) формулировках; пристрастие к многословным шрифтовым выделениям, которые часто отражают не столько содержательно важную часть фразы, сколько, видимо, индивидуальную интонацию автора и лишь затрудняют чтение; существенно осложняющее восприятие текста непоследовательное, недифференцированное и параллельное употребление ряда терминов (например, структура и система). Весьма небрежно полиграфическое исполнение: много опечаток, особенно в латинице (достаточно сказать, что в типографии не нашлось надстрочных знаков для чешских и румынских текстов), старомодна верстка, однообразны шрифты. Нельзя не выразить, наконец, сожаления, что эта работа издана ничтожным тиражом в 1800 экземпляров.

В. Г. Костомаров

²⁴ В отличие хотя бы от Б. Гавранка, К. Гаузенбласа, Л. Долежеля и других чехословацких ученых, подчеркивающих связь «функциональных слоев в системе языка» с «функциональными стилями» (и с типами речи, с «речевыми окружениями»), в книге М. Н. Кожиной языковые явления просто исключаются, — по крайней мере, в части теоретических рассуждений — из функциональной стилистики, а ее связь со структурной стилистикой фактически игнорируется. Идея двудеинного понимания языка и речи, придулово переплетаясь с желанием их разграничить и вывести функционирование в речь, составляет главное противоречие концепции М. Н. Кожиной.

²⁵ См. T. S l a m a - C a z a c u, *Langage et contexte*, s'-Gravenhage, 1961.

²⁶ См.: ВЯ, 1965, 3.